

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(Продолженіе¹⁾).

По своимъ теоретическимъ взглядамъ на задачу Русской исторіи, на ея источники, на приемы научной разработки исторіи вообще Хомяковъ несомнѣнно стоялъ на высотѣ современной намъ исторической науки. Вопросъ теперь въ томъ, въ какой степени онъ воспользовался этой теоретической подготовкой для примѣненія ея на практикѣ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего необходимо замѣтить, что Хомяковъ Русской исторіи не писалъ хотя бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ писалъ свою „Семирамиду“. Его статьи по Русской исторіи имѣютъ болѣе или менѣе случайное происхожденіе и естественно дѣлятся на двѣ категоріи. Двѣ изъ нихъ: „Тридцать лѣтъ царствованія Ивана Васильевича“ (1845 г.) и „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ (1844 г.) написаны были по просьбѣ Д. А. Валуева для его изданія „Библіотеки для Воспитанія“ и слѣдовательно предназначались для дѣтскаго чтенія. Хотя духъ Хомякова виденъ и въ этихъ статьяхъ, тѣмъ не менѣе указанное ихъ назначеніе несомнѣнно стѣсняло свободу ихъ автора, заставляя его приспособляться и къ задачамъ изданія и къ пониманію читателей.

Инымъ характеромъ отличаются двѣ другія статьи Хомякова историческаго содержанія: „О старомъ и новомъ“ — 1839 г. и „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отно-

¹⁾ См. Труды Академіи 1900 г. м. апрѣль.

шеніи къ просвѣщенію Россіи“—1852 г. ¹⁾). Обѣ эти статьи отличаются чисто ученымъ характеромъ; первая изъ нихъ къ тому же приготовлена была для прочтенія въ кружковомъ собраніи и, какъ не предназначавшаяся для печати, содержитъ въ себѣ вполне свободное выраженіе мыслей автора. Между этими двумя статьями замѣчается нѣкоторое разногласіе, которое тѣмъ интереснѣе, что касается, между прочимъ, одного изъ центральныхъ пунктовъ его историческаго міровоззрѣнія. Рѣчь идетъ о значеніи христіанства и въ частности православной церкви какъ фактора русской исторической жизни. Въ статьѣ 1852 г. онъ категорически выражается, что „наша старая Русь *создана самими христіанствомъ*“, что „Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла“, что „Церковь возстановила это единство, нарушенное междуусобіями“, что „она дала перевѣсъ Руси Московской надъ Литвою“..., что „св. митрополитъ Алексѣй и основатель Троицкой лавры св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болѣе содѣйствовали единенію Русской земли, чѣмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Дмитріевъ и Іоанновъ“ ²⁾ и т. д. Иначе выражался Хомяковъ по этому вопросу въ 1839 году. Онъ тогда утверждалъ, что хотя „безъ вліянія, безъ жизненной силы христіанства не возстала бы земля Русская; но мы не имѣемъ права сказать, что *одно* христіанство воздвигло ее“ ³⁾).

¹⁾ Историческій элементъ содержится и въ другихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ I т. его сочиненій (изд. II) и особенно въ выше цитованной статьѣ: „Замѣчанія на статью г. Соловьева: „Шлеперъ и анти-историческое направленіе“. Этими статьями мы тоже пользовались при изученіи историческихъ воззрѣній Хомякова, особенно при изложеніи его взгляда на послѣ-Петровскую Русь. Но четыре названныя статьи, будучи специально-историческими по содержанію, естественно должны быть положены въ основаніе при обобщеніи руководящихъ идей ихъ автора.

²⁾ Сочин. т. I, стр. 231, 236—238.

³⁾ Ibid. 369.

Для объясненія этого противорѣчія нѣтъ нужды выдвигать мысль о двѣнадцатилѣтнемъ промежуткѣ времени, протекавшемъ между появленіемъ въ свѣтъ этихъ двухъ статей. когда, предполагается, убѣжденія автора могли измѣниться. Этотъ вопросъ гораздо проще разрѣшается правильнымъ пониманіемъ значенія въ приведенной фразѣ слова „одно“, надъ которымъ, очевидно, стоитъ логическое удареніе. Ни прежде, ни послѣ Хомяковъ не утверждалъ, что *одно* христіанство „воздвигло“ Русскую землю; но и прежде и послѣ, словомъ всегда онъ держался того убѣжденія, что христіанство или точнѣе—православная вѣра была могущественнѣйшимъ факторомъ нашей исторической жизни; это была его заветная мысль, это его глубокое убѣжденіе, надъ уясненіемъ смысла котораго намъ придется остановиться.

Какъ бы то ни было, фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что Хомяковъ никогда не бралъ на себя задачи написать Русскую исторію въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ брались за нее, хотя бы, напримѣръ, Карамзинъ, Соловьевъ и др. Это важно въ томъ отношеніи, что при оцѣнкѣ историческаго міровоззрѣнія Хомякова изслѣдователь не имѣетъ права предъявлять ему тѣхъ требованій, удовлетвореніе которыхъ онъ не ставилъ себѣ задачею. У него въ данномъ случаѣ была своя весьма опредѣленная задача, которой онъ главнымъ образомъ и посвящалъ свое вниманіе. Что же это за задача. въ чемъ состояли ея смыслъ, ея сущность?

Въ пониманіе этой задачи вводитъ насъ самъ Хомяковъ начальными страницами своей статьи „О старомъ и новомъ“. Свое время Хомяковъ считаетъ временемъ исканія началъ, которыя должны быть положены въ основу русскаго просвѣщенія. Характеризуя эту сторону своего времени, онъ выражается: „настоящее ясно представляется намъ въ видѣ *переходного пошента*, и направленіе будущаго почти вполне зависитъ отъ понятія нашего о прошедшемъ“. Выражая эту мысль точнѣе, онъ придаетъ ей форму слѣдующей дилеммы:

„Если ничего добраго и плодотворнаго не существовало въ прежней жизни Россіи, то намъ приходится все черпать изъ жизни другихъ народовъ, изъ собственныхъ теорій, изъ примѣровъ и трудовъ племенъ просвѣщенныхъ, и изъ стремлений современныхъ. Мы можемъ приступить къ дѣлу смѣло, прививать чужіе плоды къ домашнему дичку, перепахать землю, не таящую въ себѣ никакихъ сѣмянъ, и при неудачахъ успокоивать свою совѣсть мыслию, что какъ ни дѣлай, хуже прежняго не сдѣлаешь. Если же, напротивъ, старина Русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякаго добра, то трудъ нашъ переимѣнитъ свой характеръ, а все также будетъ легокъ. Вотъ архивы, вотъ записки старыхъ бумагъ, сдѣлокъ, судебныхъ рѣшеній, лѣтописей и пр. и пр. Только стоитъ внести фактъ критики подъ архивные своды и воскресить, на просторѣ царства, учрежденія и законы, которыхъ трупы истлѣваютъ въ забытыхъ шкапахъ и сундукахъ“. Такъ какъ оба эти направленія мысли имѣли своихъ сторонниковъ, то Хомяковъ и устанавливаетъ углы зрѣнія, подъ которыми представители каждаго изъ этихъ направленій освѣщали исторію до-Петровской Руси, при чемъ, принимая роль безпристрастнаго посредника, передаетъ чужія мнѣнія такъ, какъ бы это были его собственныя мнѣнія, хотя потомъ оказывается, что оба эти направленія онъ признаетъ односторонними крайностями.

Люди, идеализировавшіе древнюю Русь говорили: „въ старые годы лучше было все въ землѣ Русской. Была грамотность въ селахъ, порядокъ въ городахъ, въ судахъ правда, въ жизни довольство. Земля Русская шла впередъ, развивала всѣ свои силы, нравственныя, умственныя и вещественныя. Ее хранили и укрѣпляли два начала, чуждыя остальному міру: власть правительства, дружнаго съ народомъ, и свобода Церкви, чистой и просвѣщенной“.

„Грамотность!“ возражаетъ Хомяковъ. Но на *коніи* (которая находится у меня) съ присяги Русскихъ дворянъ

первому изъ Романовыхъ, вмѣсто подписи князя Троерукова, двухъ дворянъ Ртищевыхъ и многихъ другихъ, мѣнѣ извѣстныхъ, находится крестъ съ отмѣткою: по неумѣнью грамоты.— *Порядокъ!* Но еще въ памяти многихъ, мнѣ извѣстныхъ, стариковъ сохранились безконечные рассказы о крикахъ ясачныхъ; а ясачный крикъ былъ тоже, что на Западѣ *sti de guette*, и безпрестанно въ первопрестольномъ градѣ этотъ крикъ сзывалъ приверженцевъ, родственниковъ и кліентовъ дворянскихъ, которые, при малѣйшей ссорѣ, высыпали на улицу, готовые на драку и на сраженіе до смерти или до синяковъ.— *Правда!* Но князь Пожарскій былъ отданъ подъ судъ за взятки; старыя пословицы полны свидѣтельствъ противъ судей прежняго времени; указы Алексѣя Михайловича и Михаила Феодоровича повторяютъ ту же пѣснь о взяткахъ и о новыхъ мѣрахъ для огражденія подсудимыхъ отъ начальства; пытка была въ употребленіи всеобщемъ, и слабый никогда не могъ поборотъ сильнаго.— *Довольство!* При малѣйшемъ неурожаѣ люди умирали съ голода тысячами, бѣжали въ Польшу, кабелили себя татарамъ, продавали всю жизнь свою и будущихъ потомковъ Крымцамъ, или своимъ братьямъ Русскимъ, которые едва-ли были лучше Крымцевъ и Татаръ.— *Власть, дружная съ народомъ!* Не только въ отдаленныхъ краяхъ, но въ Рязани, въ Калугѣ и въ самой Москвѣ бунты народные и стрѣleckіе были происшествіемъ довольно обыкновеннымъ, и власть царская частехонько сокрушалась о препоны, противопоставленныя ей какою-нибудь жалкою толпою стрѣльцовъ, или дѣлала уступки какой-либо подлой дворянской крамолѣ. Нѣсколько олигарховъ вертели дѣлами и судьбою Россіи и растягивали или обрѣзывали права сословій для своихъ личныхъ выгодъ.— *Церковь просвѣщенная и свободная!* Но назначеніе патріарха всегда зависѣло отъ власти свѣтской, какъ скоро только власть свѣтская хотѣла вмѣшиваться въ дѣло избранія; архіерей Псковскій, уличенный въ душегубствѣ нѣсколькихъ десятковъ Псковитянъ,

заключается въ монастырь; а епископъ Смоленскій мететъ дворъ патріарха и чиститъ его лошадей въ наказаніе за то, что жилъ роскошно. Соборъ Стоглавый остается безсмертнымъ памятникомъ невѣжества, грубости и язычества; а указы противъ разбоя архіерейскихъ слугъ показываютъ намъ нравственность духовенства въ видѣ самомъ низкомъ и отвратительномъ. Что же было въ золотое старое время? Вспрустнется по неволѣ. Искать-ли намъ добра и счастья прежде Романовыхъ? Тутъ встрѣчаетъ насъ волчья голова Іоанна Грознаго, нелѣпыя смуты его молодости, безнравственное царствованіе Василя, ослѣпленіе внука Донскаго, потомъ иго Монгольское, удѣлы, междуусобія, униженіе, продажа Россіи варварамъ и хаосъ грязи и крови. Ничего добраго, ничего благороднаго, ничего достойнаго уваженія или подражанія не было въ Россіи. Вездѣ и всегда была безграмотность, неправосудіе, разбой, крамолы, личности, угнетеніе, бѣдность, неустройство, непросвѣщеніе и развратъ. Взглядъ не останавливается ни на одной свѣтлой минутѣ въ жизни народной, ни на одной эпохѣ утѣшительной и, обращаясь къ настоящему времени, радуется пышной картинѣ, представляемой нашимъ отечествомъ“. Сгустивъ такимъ образомъ тѣни и окрасивъ древнюю Русь исключительно темными красками. Хомяковъ вдругъ какъ бы поворачиваетъ свой наблюдательный аппаратъ свѣтлою къ ней стороною и картина вмгъ измѣняется. „Хорошо!“ восклицаетъ онъ. „Да что же намъ дѣлать съ сельскими протоколами, отысканными Языковымъ, съ документами, открытыми Строевымъ? Это не поддѣлка, не выдумка, не догадка систематиковъ; это факты ясные, неоспариваемые. Была же грамотность и организація въ селахъ,—отъ нея остатки въ сходкахъ и мірскихъ приговорахъ, которыхъ не могла уничтожить ни власть помѣщика, ни власть казенныхъ начальствъ. Что дѣлать намъ съ явными свидѣтельствами объ городскомъ порядкѣ, о распредѣленіи должностей между гражданами, о заведеніяхъ, которыхъ цѣль

была облегчать, сколько возможно, низшимъ доступъ къ высшимъ судилищамъ? Что дѣлать съ судомъ присяжныхъ, который существовалъ безсомнѣнно въ Сѣверной и Средней Россіи, или съ судомъ словеснымъ, публичнымъ, который и существовалъ вездѣ и сохранился въ названіи суда, по формѣ прекраснаго, но не полнаго учрежденія? Что дѣлать съ пѣснями, въ которыхъ воспѣвается быть крестьянскій? Этихъ пѣсень теперь не выдумали Русскіе крестьяне. Что дѣлать съ отсутствіемъ крѣпостнаго права, если только можно назвать правомъ такое наглое нарушеніе всѣхъ правъ? Что съ равенствомъ, почти совершеннымъ, всѣхъ сословій, въ которыхъ люди могли переходить всѣ степени службы государственной и достигать высшихъ званій и почестей? Мы этому имѣемъ множество доказательствъ, и даже самые злые враги древности Русской должны отдать ей въ семь отношеній преимущество передъ народами Западными. Власть представляетъ намъ явныя доказательства своего существованія въ распространеніи Россіи, восторжествовавшей надъ столькими и столь сильными врагами, а дружба власти съ народомъ запечатлѣна въ старомъ обычаѣ, сохранившемся при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, собирать депутатовъ всѣхъ сословій для обсужденія всѣхъ вопросовъ государственныхъ. Наконецъ, свобода чистой и просвѣщенной Церкви является въ цѣломъ рядѣ святителей, которыхъ могучее слово болѣе способствовало къ созданію царства, чѣмъ умъ и хитрость государей,— въ уваженіи не только Русскихъ, но и иноземцевъ къ начальникамъ нашего духовенства, въ богатствѣ библіотекъ патріаршескихъ и митрополическихъ, въ книгахъ духовныхъ, въ спорахъ богословскихъ, въ письмахъ Іоанна, и особенно въ отпорѣ, данномъ нашею Церковью Церкви Римской“.

Итакъ, мы имѣемъ „два воззрѣнія, совершенно противоположныя, (которыя) одинаково оправдываются и одинаково опровергаются фактами неоспоримыми, и никакая система, никакое искусственное возсозданіе древности не соотвѣтствуетъ

памятникамъ и не объясняетъ въ полнотѣ ихъ всесторонняго смысла“. Тѣмъ не менѣе какъ же быть, „что же думать намъ о старой Руси“. какому изъ этихъ двухъ мнѣній отдать предпочтеніе? Ни тому, ни другому. Внимательное и безпристрастное изученіе памятниковъ приводитъ къ тому заключенію, что „едва-ли можно пристать къ тому или другому“ безусловно¹⁾. Каждое изъ нихъ опирается на несомнѣнные фактическія данныя; но въ то же время каждое изъ нихъ, взятое безъ ограниченія, является одностороннимъ. Понять это нетрудно. Участъ гражданскаго общества зависитъ отъ того, *какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область*, изъ которой они черпаютъ уроки для своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Принятый Русью христіанскій законъ самъ по себѣ былъ *святъ*, и тамъ, гдѣ онъ проявлялся въ жизни, онъ производилъ благотѣльное дѣйствіе; отсюда свѣтлыя стороны нашей древней Руси. „Но, по недостатку истиннаго просвѣщенія, по темному понятію о вѣрѣ, которое оставалось въ значительной части народа, принявшей болѣе ея обрядъ, чѣмъ полноту ея духа,—та внутренняя бесѣда въ душѣ человѣка и то озареніе области гражданской свѣтомъ области духовной были невозможны“ въ желанной степени; отсюда темныя стороны нашей жизни²⁾. Теперь становится понятною та задача, которую Хомяковъ поставилъ себѣ какъ историкъ. Задача эта состояла въ томъ, чтобы, съ одной стороны, прослѣдить, какимъ образомъ и въ какой степени христіанскій „законъ“, положенный въ основу русскаго просвѣщенія, воплощался въ жизни, съ другой стороны,—чтобы опредѣлить тѣ историческія условія, которыя содѣйствовали или препятствовали торжеству этого закона. Теперь понятно также и то, почему Хомяковъ въ своихъ

¹⁾ Ibid., стр. 359—363.

²⁾ Ibid., 241.

разысканіяхъ по Русской исторіи выдвигалъ тѣ, а не инныя стороны жизни, понятно, наконецъ, и то, какъ выработалась выше разсмотрѣнная схема его историческаго міровоззрѣнія. Ходъ его мысли ясенъ. Русская историческая жизнь развивалась подъ прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ христіанства, въ основу котораго положена заповѣдь о любви. Чистота нравовъ мирнаго, младенчески простодушнаго земледѣльца Славянина, семейно-общинный бытъ, основанный на хоровомъ началѣ, составляли прекрасную почву для насажденія сѣмянъ христіанства, а поэтому едва только наша старая Русь „озарилась свѣтомъ истиннаго ученія, какъ уже стала безконечно выше Византіи“, но не только Византіи, а и всѣхъ странъ Европы. Случилось это потому, что душа Славянина, не искаженная условностью дружиннаго быта (какъ у Германцевъ) и борьбою съ другими народами, если можно такъ выразиться, по самой своей природѣ была христіанка. И такъ какъ въ основу организаціи Русскаго общества, съ принятіемъ христіанства, положено было тоже начало, какое лежитъ и въ основаніи организаціи православной Церкви (свобода въ единствѣ по закону любви). то понятно то могущественное воздѣйствіе, какое Церковь оказала на историческій ходъ нашей государственно-общественной жизни: „Церковь создала единство Русской земли“, „Церковь возстановила это единство, нарушенное междуусобіями“ и т. д. и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь налагала свою печать и на частныя стороны человѣческихъ отношеній, служа въ то же время своимъ ученіемъ *единственнымъ* источникомъ и духовнаго просвѣщенія.

Тѣмъ не менѣе христіанство не все то дало Русской землѣ, что оно могло бы дать при иныхъ условіяхъ. Причины этого были слѣдующія. Во-первыхъ, „земля Русская въ большей части своего населенія приняла *болѣе обрядъ церковный*, чѣмъ духовную вѣру и разумное исповѣданіе Церкви“. „Недостатокъ въ *проповѣдникахъ* слова Божія въ первое время,

а впоствѣдствіи недостатокъ въ *письменныхъ его памятникахъ*, которыхъ неисправность и часто грубыя ошибки свидѣтельствуютъ о непониманіи и о весьма слабомъ желаніи ихъ понять“, породили то *тупое невѣжество и совершенное неразуміе коренныхъ основъ христіанства*, которыя потомъ проявились въ расколѣ.

Но этого мало. *Полнота и цѣльность* просвѣтительнаго начала, полученнаго нами въ православіи, для своего полного развитія требовали *цѣльности и гармоническаго единства* всѣхъ общественныхъ силъ. Но эта цѣльность и гармоничность нарушались: а) разрозненностью славяно-русскихъ племенъ, частію добровольное, частію насильственное соединеніе которыхъ легло въ основу ядра русской государственности, б) сепаратизмомъ областей въ удѣльный періодъ и в) разъединенностью, какая существовала между княжескою дружиною и земщиною, построенныхъ внутри себя на различныхъ началахъ.—Къ этимъ двумъ недостаткамъ слѣдуетъ прибавить—третій, именно: недостатокъ „*опредѣлительнаго сознанія*“, благодаря чему общество лишалось того *внутренняго руководителя*, который могъ бы управлять шаткою волею человека.

Благодаря всѣмъ этимъ недостаткамъ, даже такой существенно важный фактъ нашей исторической жизни, какъ совершенное Москвою объединеніе областей, доставившее торжество *вышнему закону* общественной жизни,—даже такой фактъ не могъ совершиться безъ *насилія*, сопровождавшагося ломкою старыхъ обычаевъ и попраніемъ правъ и вольностей городовъ и сословій. И вотъ, „когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены на жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраняемые вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ сказать, другъ подлѣ друга, *язва безнравственности общественной распространилась безлѣтно и всѣ худшія страсти человека развились на*

просторъ: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить новый папскій престолъ“... Но самымъ уродливымъ проявленіемъ этой печальной стороны нашей древней жизни можно признать „*волчью голову Іоанна (Грознаго)*“, „иногда понимавшаго красоту, но никогда святость добра..., въ мастерствѣ софизма не уступавшаго никакому Византійцу, а въ кровожадности никакому Татарину..., людоѣда съ своими подданными и низкаго труса предъ иноземцами“..., словомъ „изверга цѣльнаго и, такъ сказать, художественнаго“.—Чтобы выдти изъ такого печальнаго положенія дѣль, необходимо было серьезное обновленіе стараго порядка вещей. Отсюда необходимость и законность реформъ Петра Великаго.

Мы достаточно полно изложили взглядъ Хомякова на до-Петровскій періодъ нашей исторіи и съ возможною рельефностью выдвинули и проанализировали основные пункты его міровоззрѣнія. Изъ сказаннаго ясно, что въ своихъ разысканіяхъ въ области Русской исторіи онъ преслѣдуетъ ту же задачу, которую преслѣдовалъ въ своемъ изслѣдованіи и въ области исторіи всеобщей. Задача эта состоитъ въ освѣщеніи хода исторической жизни человѣчества вообще и духовнаго просвѣщенія въ частности съ точки зрѣнія одного высшаго начала, каковымъ онъ признавалъ религіозную вѣру. Но несоотвѣтствіе между совершенствомъ начала, какъ его понималъ Хомяковъ, и несовершенствомъ жизни было слишкомъ разительно, чтобы его не замѣтить. Нужны были прямолинейность и способность къ увлеченію идеей Кирѣевскаго, чтобы доказывать, что христіанское ученіе выразилось въ древней Руси „въ полнотѣ и чистотѣ“. Хомяковъ, при его осторожности и чуткости къ истинѣ, не могъ этого сдѣлать и добросовѣстно констатировалъ фактъ замѣченнаго несоотвѣтствія; но чтобы не стать въ противорѣчіе съ своей систе-

мой, предполагающей развитіе въ исторіи одного духовнаго начала, долженствующаго охватывать и внутренно проникать всю жизнь народа, онъ выдвигаетъ мысль о недостаткѣ *цѣлостности* въ древне-русскомъ обществѣ, съ одной стороны, и *опредѣлительнаго сознанія*—съ другой, и ими старается объяснить противорѣчіе между началомъ, которое должно было воплощаться въ жизни и самую дѣйствительную жизнь. Фактъ, конечно, подмѣченъ вѣрно: сепаратизмъ областей, борьба за удѣлы, эгоизмъ мѣстничества, насильственная система объединенія областей, недовѣріе верховной власти къ обществу, такъ несимпатично выступившее при Грозномъ и Годуновѣ, религіозное невѣжество, слабость общественнаго самосознанія,—все это, конечно, не могло способствовать сознанію и воплощенію въ жизни христіанской заповѣди о любви, которую Хомяковъ кладетъ въ основу духовнаго просвѣщенія. Но нравственнымъ элементомъ не исчерпывается понятіе „просвѣщеніе“: подъ *просвѣщеніемъ* въ широкомъ смыслѣ слова понимается развитіе не только религіозно-нравственное, но и умственное и эстетическое и даже матеріально-культурное, насколько оно является слѣдствіемъ умственнаго развитія; при чемъ особенно важно то, что всѣ эти стороны духовной жизни человѣка находятся въ тѣсной органической связи между собою, обуславливая другъ друга въ процессѣ своего развитія. Не даромъ Хомяковъ, говоря о просвѣщеніи, называетъ его *просвѣтлѣніемъ всѣхъ силъ* человѣческаго духа. Элементарная истина, что нужно добро дѣлать и избѣгать зла, присуща, конечно, всякому человѣку, на какой бы низкой степени духовнаго развитія онъ ни находился; но форма проявленія этой истины, широта области, на которую она простирается, постоянство воли, съ какою она примѣняется къ дѣйствительной жизни,—все это зависитъ отъ разнообразія, объема и интенсивности развитія всѣхъ силъ человѣческаго духа, т. е. ума, сердца и воли. А если такъ, то объяснить слабое развитіе въ древне-Русскомъ обществѣ просвѣщенія недостаткомъ

внутренней цѣльности въ обществѣ можно только по недомыслию. Ошибка Хомякова заключается въ томъ, что онъ, выдвигая на первый планъ *православіе*, признавая его чуть ли ни единственнымъ двигателемъ нашей древней жизни, какъ бы закрываетъ глаза на цѣлый рядъ другихъ факторовъ. имѣвшихъ могущественное вліяніе на ходъ нашей исторіи. Для лучшаго уразумѣнія слабой стороны этого его взгляда. необходимо вдуматься въ смыслъ той аналогіи, которую онъ проводитъ между историческою жизнію народа и творческою дѣятельностью художника. Идея, овладѣвъ духомъ художника, его мыслию, его чувствомъ, его волею, стремится проявиться во внѣ: здѣсь духъ творить какъ бы изъ себя, приискивая во внѣ лишь форму для своего проявленія. Такъ, по мнѣнію Хомякова, создается и исторія: извѣстное начало, воспринятое народомъ извнѣ или коренящееся въ основахъ его духовнаго строя, овладѣвая его духомъ, становится центральнымъ двигателемъ послѣдняго и законодателемъ его внутренней жизни, ищущей внѣшнихъ формъ для своего проявленія. Пусть такъ; но между условіями, при которыхъ творитъ художникъ, и условіями, при которыхъ создается исторія народа, огромная разница. Присмотритесь, хотя бы, напримѣръ, къ жизни первобытнаго человѣка—звѣролова, пастуха, земледѣльца и скажите: внутренніе-ли начала управляютъ ихъ жизнію, или та природа, на лонѣ которой они живутъ и тѣ внѣшнія историческія условія, при которыхъ они развиваются? Истина слишкомъ извѣстная, чтобы на ней слѣдовало останавливаться. Только тогда, когда народъ, овладѣвъ законами природы, начинаетъ управлять ея стихійными силами, и когда, окрѣпнувъ культурно и политически, становится въ состояніи одолѣвать направленные на него извнѣ враждебныя силы, только тогда онъ можетъ стать властнымъ законодателемъ своей жизни и направлять ее сообразно съ требованіями того или другого начала, чего, впрочемъ, никогда не достигаетъ вполне. Конечно, историкъ, окидывая однимъ общимъ

взглядомъ пережитое, можетъ подмѣтити нѣкоторое единство въ направленіи его движенія и увидѣти въ немъ слѣды дѣйствія одного начала. Но съ подобными выводами нужно быть крайне осторожнымъ, ибо ничего не можетъ быть легче, какъ смѣшати въ подобномъ случаѣ слѣдствіе съ причиною, поставивъ первое вмѣсто второй: то, что явилось результатомъ взаимодействія многихъ независимыхъ силъ, можно принять за факторъ, управляющій этими силами. Историческая наука богата подобными ошибками; такой ошибки не избѣгъ и Хомяковъ, хотя въ другихъ (напримѣръ, въ Гегель) онъ ее осуждалъ.

Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что Русскій народъ не изъять былъ изъ подъ воздѣйствія тѣхъ общихъ законовъ, которые управляли и управляютъ ходомъ исторической жизни другихъ народовъ, что очевидно съ перваго взгляда. Первая задача, къ осуществленію которой пришлось стремиться горсти Славянъ, брошенныхъ на равнинахъ Восточной Европы, состояла въ разысканіи и точномъ опредѣленіи границъ той территоріи, на которой они, сплотившись въ одинъ государственный организмъ, должны были развивать и свое духовное просвѣщеніе и свою матеріальную культуру. При осуществленіи этой задачи, благодаря частію географическимъ, частію историческимъ условіямъ, Русскіе люди разбросались на огромномъ пространствѣ—отъ Карпатовъ до Великаго Океана и отъ Балтійскаго моря до Чернаго,—преодолювая на этомъ пути препятствія, представляемые и физическою природою и людьми. Разбросанность силъ, съ одной стороны, сложность и трудность задачи, съ другой, были причиною того, что на это чисто внѣшнее дѣло Русскій человекъ долженъ былъ тратить всѣ свои духовныя силы и матеріальныя средства; ему же въ жертву онъ принесъ и свою личную свободу, поработивъ служилый классъ государству, а простой народъ служилому классу. Въ этой внѣшней работѣ прошла почти вся наша древняя исторія и никакая „внутренняя цѣльность“ не

въ состояніи была бы дать ей другого направленія: не можетъ человѣкъ заняться, хотя бы, наиримѣръ, разстановкой предметовъ художественной коллекціи прежде, чѣмъ не построить для нея зданія; не могли наши предки отдаться дѣлу духовнаго просвѣщенія раньше, чѣмъ не создали условій, обезпечивающихъ имъ мирное существованіе. Одно Татарское иго чего имъ стоило!

Хомяковъ жалуется на недостатокъ въ старой Руси „опредѣлительнаго сознанія“, или что то же: „логическаго разсудка“, „логическаго знанія“, безъ чего невозможно было уясненіе отношенія между дѣйствительною жизнію и лежавшимъ въ ея основаніи началомъ; безъ этого же невозможно было и критическое самонаблюденіе и сознательное направленіе жизни согласно съ требованіями высшаго, просвѣтленнаго христіанствомъ, разума. Мысль вѣрная и — скажемъ больше — превосходная. Какъ отдѣльная личность, обращаясь къ своему единоличному „я“, изучаетъ его содержаніе и этимъ достигаетъ самосознанія и самоопредѣленія; такъ и цѣлый народъ, эта своего рода коллективная личность, изучая содержаніе своего коллективнаго „я“, достигаетъ самосознанія, которое становится основаніемъ для критическаго самонаблюденія, самоисправленія, совершенствованія. Отсутствие же всего этого „въ развитіи историческомъ отнимаетъ у жизни и убѣжденія ихъ разумную послѣдовательность и крѣпость“, ибо лишаетъ жизнь того „внутренняго руководителя“, того „строгаго и логически сознаннаго“ закона, который управляетъ шаткою волею человѣка. Все это вѣрно; но вѣрно также и то, что самосознаніе общества, какъ и самосознаніе отдѣльной личности, какъ это прекрасно понималъ и самъ Хомяковъ, является вѣнцомъ духовнаго роста личности, и имъ характеризуется высокая ступень духовнаго развитія постѣдней. Отсутствие или слабое развитіе „опредѣлительнаго сознанія“ въ старой Руси свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что общій уровень ея духовнаго развитія былъ не высокъ, или, говоря

проще: оно свидетельствует о томъ, что наша старая Русь въ разсматриваемомъ отношеніи находилась въ состояніи младенчества, и это одинаково вѣрно какъ въ отношеніи къ землицѣ, такъ и въ отношеніи къ дружинѣ. Но если бы, вопреки законамъ психическаго развитія, какими нибудь судьбами это сознаніе и явилось, то дѣло отъ этого мало выиграло бы: ибо „опредѣлительное сознаніе“ опредѣлило бы лишь то наличное содержаніе народнаго духа, которое, и по сознанію самаго Хомякова, не отличалось особымъ богатствомъ, такъ какъ, по его увѣренію, „большая часть сельскихъ міровъ приняла христіанство безъ всякаго пониманія его высоко́й святости“; а что касается дружины, то въ ней „все то, что относится до общественныхъ отношеній, до обязанности области гражданской, свидетельствуетъ о какомъ-то *низкомъ настроеніи духа*, которое возбуждаетъ невольную досаду въ читателѣ“. Этотъ фактъ, подмѣченный не однимъ Хомяковымъ, обыкновенно стараются ослабить указаніемъ на то, что христіанство у насъ, не будучи воспринято сознаніемъ, какъ доктрина, какъ опредѣленное ученіе, воплотилось будто бы *въ народномъ бытѣ*, какъ жизненный фактъ. Но мнѣніе это могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы христіанство было у насъ религіей своей собственной, естественно, самобытно выросшей на народной почвѣ. Недоразвившись до законченной системы, оно въ этомъ случаѣ дѣйствительно могло бы существовать въ народномъ бытѣ какъ исторически выросшій жизненный фактъ. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, было совсѣмъ не такъ. Будучи религіей чужой, заносной, воплотившейся въ формы, выработанныя чуждой намъ Византійской культурой, христіанство могло проникать въ нашъ бытъ не иначе, какъ путемъ сознательнаго усвоенія основъ его ученія, которое предварительно должно было вытѣснить изъ народнаго сознанія исконныя народныя вѣрованія. Но подобный переворотъ, предполагающій полное перерожденіе основъ народнаго вѣрованія,

могъ совершиться только подъ условіемъ повсемѣстной проповѣди, распространенія грамотности и широкаго развитія христіанской письменности; а. по увѣренію самаго Хомякова, въ древней Руси былъ „недостатокъ“ и въ *проповѣдникахъ слова Божія и въ письменныхъ его памятникахъ*. Если же не было причинъ, то не могло быть и ихъ слѣдствій.

Правда, выдвигая на первый планъ нравственную сторону жизни, рѣзко различая *личныя* добродѣтели отъ *общественныхъ* и признавая слабое развитіе первыхъ, Хомяковъ утверждаетъ, что въ старой Руси, въ крестьянской общинѣ, „подъ благословеніемъ чистаго закона *развились общественныя добродѣтели*, которымъ и до сихъ поръ удивляются даже иноземцы, нѣсколько безпристрастные, и которымъ, можетъ быть, ничего подобнаго не представляла исторія міра“. Этотъ его взглядъ находится въ связи съ тѣмъ общимъ его мнѣніемъ, что „человѣкъ достигаетъ своей нравственной цѣли только въ обществѣ, гдѣ силы каждаго принадлежатъ всѣмъ и силы всѣхъ каждому“. — Воспитательное значеніе общества несомнѣнно. Но мысль о томъ, что, при отсутствіи личныхъ добродѣтелей, могутъ якобы процвѣтать добродѣтели общественныя, невѣроятна. Сущность общества въ единеніи личностей; но единеніе единенію рознь. Самъ Хомяковъ только то единеніе признаетъ истиннымъ и въ нравственно-воспитательномъ отношеніи плодотворнымъ, которое единство совмѣщаетъ съ свободою личности. Если же свободная личность, какъ личность, чужда добродѣтелей, то какимъ образомъ она можетъ проявить ихъ въ обществѣ? Она будетъ подчиняться требованіямъ, установленнымъ общежитіемъ, она будетъ принимать участіе въ массовыхъ движеніяхъ, направленныхъ къ охраненію общихъ интересовъ; но такого рода проявленія, предъ судомъ истинной морали, не могутъ имѣть нравственнаго значенія; съ такого рода добродѣтелями можно встрѣтиться и у стадныхъ животныхъ. Съ христіанской, а слѣдовательно съ общечеловѣческой точки зрѣнія, только тотъ

поступокъ можетъ быть признанъ истинно добродѣтельнымъ, въ которомъ свободное движеніе воли сопровождается добрымъ чувствомъ и сознаниемъ нравственнаго закона. Такимъ чувствомъ, такимъ закономъ истинно добродѣтельный человѣкъ одинаково руководится и въ частной и въ общественной жизни, и рѣзко разграничивать эти двѣ сферы дѣятельности человѣка можно только по недоразумѣнію. Все это и Хомяковъ понималъ превосходно. Въ *Посланіи къ Сербамъ* онъ прямо утверждаетъ, что „тотъ, кто не имѣетъ чистой совѣсти, или совѣсти не слушается въ *своемъ дѣлѣ личномъ, не послушается ея и въ дѣлѣ общественномъ*“. Какъ однако же могло появиться у него подобное противорѣчіе? Оно появилось у него какъ слѣдствіе стремленія возвеличить, на ряду съ православіемъ, значеніе Славянской общины, которая въ его сознаніи была чѣмъ-то въ родѣ нравственно-воспитательнаго института. Хомяковъ на этотъ разъ выпустилъ изъ виду, что симпатичными сторонами своей жизни наша древняя Русь обязана была не одному общинному строю: простота нравовъ мало-культурнаго человѣка, добродушный характеръ мирнаго земледѣльца, рано заброшеннаго обстоятельствами въ лѣсную глушь и долго находившагося вдали отъ главной исторической арены, на которой происходила борьба человѣческихъ страстей, всегда искажающая чистоту нравственнаго облика какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, сильное вліяніе христіанства и нѣкоторыя другія обстоятельства жизни,—вотъ тѣ условія, которымъ наши предки обязаны были лучшими сторонами своего характера. Само собою разумѣется, что общинный строй, устранившій лишніе поводы къ борьбѣ индивидуальностей, исключавшій возможность родового деспотизма и доставлявшій торжество семейному началу, смягчавшему суровость человѣческихъ отношеній узами кровнаго братства,—сыгралъ въ этомъ случаѣ не послѣднюю роль; отвергать значеніе этого факта это значитъ впадать въ другую крайность.

Но постѣ этихъ предварительныхъ критическихъ замѣчаній мы въ концѣ концовъ все же должны признать, что Хомяковъ безусловно правъ, придавая столь могущественное значеніе *вѣрѣ*, какъ фактору нашей древней исторической жизни. Ошибка Хомякова въ данномъ случаѣ заключается лишь въ томъ, что онъ, встѣдъ за рядомъ другихъ нашихъ изслѣдователей, *силу религиозной вѣры нашихъ предковъ сливаетъ съ ея содержаніемъ*. Оставался-ли бы Русскій народъ языческимъ, принялъ-ли бы онъ мусульманство, или какую нибудь иную вѣру, все равно сила религіознаго чувства, при данныхъ историческихъ условіяхъ, не переставала бы въ немъ крѣпнуть и развиваться. „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“, говоритъ пословица, въ которой замѣчательно вѣрно подмѣченъ не только психологическій, но и бытовой фактъ нашей исторической жизни. Надъ древнею Русью громъ слишкомъ часто раздавался и ей постоянно приходилось креститься. Въ своемъ историческомъ прошломъ Русскій народъ несомнѣнно обнаружилъ много религіозной ревности; но вѣдь таковъ онъ былъ и до принятія христіанства. Вспомнимъ, что дѣлалось въ Кіевѣ при вокняженіи Владиміра, когда Кіевляне, обуреваемые религіозною ревностью, по словамъ лѣтописца, „приношаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ“. Вспомнимъ, даѣе, на основаніи *Слова о полку Игоревѣ*, къ кому обращается съ мольбою въ горькую минуту жизни Русская княжна XII вѣка? Что *плачь Ярославны* проникнуть глубокимъ религіознымъ чувствомъ, это для всякаго непосредственно очевидно; но что это чувство воспитано въ ней не христіанскимъ просвѣщеніемъ, это также очевидно изъ самаго содержанія этой пѣсни, наполненной обращеніями къ стихійнымъ силамъ природы, при полномъ отсутствіи именъ, чтимыхъ христіанскою Церковью. А вѣдь въ глубокомъ реализмѣ этого памятника едва ли кто станетъ сомнѣваться. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ: сила религіознаго

чувства, особенно въ эпоху Татарскаго ига, не только не слабѣтъ, но, напротивъ, растетъ и увеличивается; для доказательства этого нѣтъ нужды обращаться къ отдѣльнымъ фактамъ и къ показанію частныхъ свидѣтельствъ: объ этомъ свидѣлствуетъ вся наша древняя исторія. А между тѣмъ нѣтъ никакой возможности доказывать, что эта сила религіознаго чувства обуславливалась успѣхами христіанскаго просвѣщенія и что вообще между ними было полное соотвѣтствіе. Напротивъ, есть полное основаніе утверждать противное. Вспомнимъ общеизвѣстную жалобу Русскихъ людей конца XV вѣка, которые, въ отвѣтъ на требованіе архіепископа Геннадія доставлять для замѣщенія священническихъ мѣстъ грамотныхъ кандидатовъ, отвѣчали: „земля, господине, такова, не можемъ добыть, кто былъ бы гораздъ грамотѣ“. Но вотъ классическое въ своемъ родѣ свидѣтельство писателя уже начала XVIII вѣка: „Мы, Россіяне, ни вѣры своея, какова она есть, ни благочестія духовнаго, ниже естественнаго добродравія, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ... Я мню, что и на Москвѣ едва сотый человѣкъ знаетъ, что то есть *христіанская* вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, или какъ Ему молиться“.—Здѣсь Посошковъ обличаетъ старыхъ Русскихъ людей не въ томъ, что они страдали безвѣріемъ, понимаемымъ въ смыслѣ нашего атеизма, а въ томъ, что у нихъ не было *христіанскаго* понятія о вѣрѣ, о Богѣ, о требованіяхъ Его воли и т. д. Ниже, при общей оцѣнкѣ историческаго міровоззрѣнія Хомякова, мы постараемся указать, въ чемъ заключалась положительная сторона вѣрованія нашихъ предковъ вообще. Здѣсь же укажемъ лишь на слѣдующую черту древне-русскаго вѣрованія, несомнѣнно развившуся подъ воздѣйствіемъ историческихъ условій и проявившуюся въ одной своеобразной чертѣ народнаго характера.

Если однимъ общимъ взглядомъ окинуть наше историческое прошлое, то придется признать, что исторія не бало-

вала Русскаго челоуѣка, и была для него скорѣе мачихой, чѣмъ матерью родною. Весь до-Петровскій періодъ нашей исторіи былъ временемъ почти непрерывающейся внѣшней борьбы, въ которой счастье не всегда было на нашей сторонѣ. что слѣдуетъ сказать и о такъ называемомъ до-историческомъ періодѣ нашего существованія. Недаромъ наши предки оказались заброшенными въ глухіе лѣса и непроходимыя болота въ то время, когда по сосѣдству разстиались необозримыя пространства благодатнаго чернозема. Въ однихъ случаяхъ предположительно, въ другихъ положительно можно утверждать, что время господства на Югѣ Восточной Европы Скифовъ, Сарматовъ, Готовъ, Гунновъ, Болгарь, Аваровъ—было временемъ борьбы и порабоженія Восточныхъ Славянъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ эпохъ, наиримѣръ, отъ времени владычества Обровъ, у нашихъ предковъ сохранились тяжелыя воспоминанія. Съ наступленіемъ историческаго періода положеніе дѣлъ мало измѣнилось. Наша исторія открывается фактами порабоженія Восточныхъ Славянъ—однихъ Варягами, другихъ—Хазарами. Затѣмъ, послѣ временнаго проблеска политической свободы, когда однако же борьба съ степью не прекращалась, наступаетъ періодъ страшнаго разгрома и порабоженія Руси Татарами, при чемъ западная половина ея, хотя и уцѣлѣла отъ татарскаго ига, но вынуждена была владѣть свое существованіе подъ знаменемъ, выдвинутымъ другою народностью, поддавшеюся воздѣйствію культуры, чуждой Русскому народному духу. Съ прекращеніемъ Татарскаго ига Восточная Русь могла бы, казалось, вздохнуть свободнѣе; но возникшія на развалинахъ Золотой Орды, въ качествѣ ея злаго наслѣдства, татарскія царства: Казанское, Астраханское и Крымское, дѣйствовавшія иногда за одно съ враждебными намъ западными сосѣдями, долго житья не давали Русской землѣ, а Крымское царство въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи оставалось разбойничьимъ гнѣздомъ, высылавшимъ свои хищническія орды для разоренія нашего

государства. Вся эта многовѣковая борьба, держа государство, особенно пограничныя его области, въ постоянной тревогѣ, сопровождалась разореніемъ страны и выводомъ плѣнныхъ, цифры которыхъ иногда достигали огромныхъ размѣровъ.— Вмѣстѣ съ этимъ, или вѣрнѣе вслѣдствіе этого, народъ страдаетъ отъ тяжелаго экономическаго гнета, который ведетъ къ естественному закрѣпощенію сельскаго населенія, далеко предупредившему закрѣпощеніе формально-юридическое. Прибавимъ къ этому постоянные пожары, испепелявшіе иногда до тла цѣлые города, моръ народа, вызывавшійся голодомъ и эпидемическими болѣзнями, и мы живо рисуемъ себѣ картину тѣхъ бѣдствій, которыя выносила наша многострадальная старая Русь. Всѣ эти бѣдствія, вызывавшіяся причинами политическими, соціально-экономическими и стихійными, разражались иногда такими явленіями, какъ смутное время, или народные бунты, потрясавшіе весь государственно-общественный организмъ, угрожая разрушеніемъ самыхъ его основъ.

Все это вмѣстѣ взятое не могло не отразиться и на религіозномъ вѣрованіи Русскаго народа и на особенностяхъ его характера. Вспомнимъ, что „небо всякой мифологіи есть отраженіе земли“. Современный намъ культурный человѣкъ подъ давленіемъ подобныхъ бѣдствій пришелъ бы къ отчаянному пессимизму. Свѣжесть стихійныхъ силъ въ юномъ народѣ спасала его отъ подобнаго отчаянія и поддерживала въ немъ надежду на лучшее будущее. Но понятно, что эта надежда покоилась на вѣрѣ не въ свои собственныя естественныя силы, ничтожество которыхъ, при всемъ ихъ напряженіи, не разъ было испытано, а на вѣрѣ въ силы высшія, сверхъ-естественныя, которыя, казалось, только и могутъ вывести изъ того гнетущаго, иногда совершенно безвыходнаго положенія, въ которое ставила его тяжелая дѣйствительность. При ничтожномъ развитіи христіанскаго просвѣщенія и слабости умственнаго развитія вообще, въ понятіи объ этихъ высшихъ

сверхъестественныхъ силахъ самымъ нелогичнымъ образомъ совмѣщались элементы христіанскій и языческій, вѣра въ истиннаго Бога, на котораго можно воздѣйствовать молитвою, дарами, подвижническою жизнію, и вѣра въ стихійныя силы природы, которыя можно заставить служить себѣ путемъ магическаго воздѣйствія на нихъ, посредствомъ чародѣйства и колдовства; въ обоихъ этихъ случаяхъ вѣра была одна и та же, т. е. она покоилась на одной и той же психологической основѣ, отличалась одинаковою силою и искренностью, хотя содержаніе вѣры въ томъ и другомъ случаѣ было не одно и то же. Блестящей иллюстраціей того, какъ въ сознаніи старыхъ Русскихъ людей могли соединяться столь несоединимыя, казалось бы, элементы, можетъ служить извѣстный фактъ, имѣвшій мѣсто при взятіи Русскими Казани въ 1852 году. „Яко скоро по obleжанію града“, рассказываетъ очевидецъ, „егда солнце начнетъ восходить, взыдутъ на градъ: всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими и вертящеся неблагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такой дождь, и сухія мѣста въ блага обратятся и мокроты исполнятся; сіе точно было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, не точію по естеству еже случашеся“. Словомъ, эти татарскіе колдуны и колдуньи „на войско христіанское чары творили и великую пловію наводили“. Въ свою очередь Русскіе люди, искренно вѣрившіе въ силу этихъ чаръ, противопоставили имъ свои собственныя чары: спеціально съ этою цѣлью принесенъ былъ изъ Москвы крестъ, въ которомъ вдѣлана была часть креста Господня. Сила этого креста противопоставлена была силѣ татарскихъ чаръ, и первая сила одолѣла вторую силу: когда крестъ обнесенъ былъ вокругъ войска, навѣянные татарскими чарами дождь и вѣтеръ прекратились и установилась тихая погода. Смыслъ этого факта слишкомъ очевиденъ, чтобы надъ нимъ слѣдовало остано-

ливаться. Такъ совершенно естественно и даже какъ бы логично въ сознаниі Русскаго человѣка вѣра соединялась съ суевѣріемъ.

Между тѣмъ указанныя страшныя бѣдствія, почти постоянно тяготѣвшія надъ Русскою землею, развивая въ душѣ человѣка вѣру въ могущество сверхъестественной силы, должны были повліять извѣстнымъ образомъ и на выработку взгляда на отношеніе этой силы къ человѣку. Богъ, который насылалъ на человѣка столько бѣдствій, не вызывавшихся, повидимому, никакими поводами со стороны человѣка, не былъ христіанскимъ Богомъ въ точномъ смыслѣ слова, Богомъ любви и милости, отечески прощающимъ человѣку его грѣхи: это былъ Богъ гнѣва, грозный мздовоздатель, немилостиво карающій каждаго за его прегрѣшенія вольныя и невольныя. Прямо, непосредственно обращаться къ такому Богу съ молитвами было страшно и умиловитъ Его было нелегко. Отсюда, съ одной стороны, высокое развитіе у насъ почитанія угодниковъ Божіихъ, являющихся молитвенными ходатаями предъ Богомъ, съ другой стороны—строгій до ригоризма взглядъ на суровость христіанскаго подвига. Въ основѣ такихъ взглядовъ, конечно, лежали понятія христіанскія, но исторія наложила на нихъ свою печать, дала имъ свой отгѣнокъ, придающій имъ характеръ нѣкоторой односторонности.

Но для насъ собственно важно въ данномъ случаѣ воспитательное вліяніе вышеуказанныхъ историческихъ условій на выработку характера Русскаго человѣка. Всѣмъ извѣстно, что постоянный успѣхъ въ жизни поднимаетъ самочувствіе человѣка, воспитываетъ въ немъ самоувѣренность, самомнѣніе, гордость и другія аналогичныя свойства и качества души. Напротивъ, жизненныя неудачи, постоянныя бѣдствія, страданія, развиваютъ качества противоположныя: самоуничиженіе, скромность, смиреніе. Не трудно понять, что при данныхъ жизненныхъ условіяхъ подъемъ внутренняго самочув-

ствія у Русскаго человѣка не могъ быть особенно высокъ. Сознаніе собственнаго безсилія, сопровождаемое вѣрою въ могущество высшей силы, заставляло человѣка смиренно преклоняться предъ постыднѣю и развивало въ немъ духъ самоуничиженія, духъ терпѣнія, кротости, смиренія. Эти качества и по сей день въ значительной степени характеризуютъ нашего простого человѣка. Но этого мало. Собственные страданія вызываютъ въ человѣкѣ способность понимать страданіе другихъ людей. Отсюда новое качество нашего народнаго характера: состраданіе къ ближнему и братское доброжелательство. Присмотрѣвшись къ этимъ прекраснымъ качествамъ души нашего народа, мы такъ съ ними свыклись, что часто не замѣчаемъ ихъ, а иногда даже расположены бываемъ отрицать ихъ. Но постороннему внимательному и добросовѣстному наблюдателю они рѣзко бросаются въ глаза. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно впечатлѣніе, вынесенное изъ наблюденія надъ нашимъ народнымъ характеромъ извѣстнымъ англичаниномъ Пальмеромъ. „Я былъ очень удивленъ, сознается онъ, въ первое время моего пребыванія въ Россіи, насколько значительнѣе народный характеръ (здѣсь) носить отпечатокъ *смиренія, братской доброжелательности, теплаго чувства и почтенія къ святымъ вещамъ и вѣрѣ*, чѣмъ у насъ въ Англіи. Я зналъ и прежде, что насъ справедливо обвиняютъ въ гордости и эгоизмѣ, *но раньше чѣмъ я увидѣлъ здѣсь противоположное*, я не имѣлъ представленія о степени зла“ ¹⁾). Нужно сравнить Русскій народъ съ другими народами, чтобы понять высокую человѣчность его нравственнаго характера. Прекрасной иллюстраціей вынесеннаго Пальмеромъ впечатлѣнія можетъ служить извѣстный литературный памятникъ XVII вѣка: „Исторія объ азовскомъ осажденіи сидѣнн донскихъ казаковъ“ ²⁾). Горсть каза-

¹⁾ Р. Арх. 1894 г. № 9, стр. 96.

²⁾ Русск. Хрестом. Буслаева.

ковъ, число которыхъ при самомъ преувеличенномъ ихъ счетѣ не превышало и *четырнадцати тысячъ*, подвергается нападенію *двѣсти сорока тысячной* Турецкой арміи, располагающей артиллеріей въ 100 пушекъ. Казаки совершаютъ чудеса храбрости, самой ничтожной доли которой достаточно для пышнаго самовосхваленія иного человѣка. И что же мы видимъ? Вся *Исторія* объ азовскомъ сидѣніи проникнута самымъ искреннимъ смиреніемъ, переходящимъ иногда въ полное самоуничиженіе. Читая это произведеніе, можно подумывать, что подвиги совершали не казаки своими руками, а высшая сила, исходившая отъ образовъ „Предотечева“ и „Николы Чудотворца“. Неравномѣрность силъ въ борьбѣ даетъ себя чувствовать, и приведенные въ изнеможеніе казаки, утративъ въру въ свои собственныя силы, ждуть *помощи только отъ влияния Бога*. И вотъ, „прибѣжимъ, бѣдные, къ своему помощнику, *Предотечеву образу*, предъ нимъ—свѣтомъ расплачемся слезами своими горькими: Государь-свѣтъ, помощникъ нашъ, Предотеца Христовъ, Іоаннъ! По твоему, свѣтову, изволенію разорили мы гнѣздо зміево, взяли Азовъ-градъ, побили мы въ немъ всѣхъ христіанскихъ мучителей и идолослужителей. И твой-свѣтовъ домъ, Никола Чудотворецъ, очистили, и украсили ваши чудотворные образы отъ своихъ грѣшныхъ, недостойныхъ рукъ. Безъ пѣнія у насъ по сѣ поры передъ вашими образы не бывало. Али мы васъ, свѣтовъ, чѣмъ прогнѣвили, что опять хотите итти въ руки бусурманскія. На васъ мы, свѣтовъ, надѣялись, въ осаду сидѣли, оставя всѣхъ своихъ товарищевъ. А топерово отъ Турокъ видимъ впрямъ смерть свою: поморили насъ безсоніемъ; 14 дней и 14 ночей съ ними безпрестани мучимся. Уже наши ноги подогнулися, и руки наши оборонныя уже не служатъ намъ, и отъ истомы уста наши замертвѣли, и глаза у насъ порохомъ выжгло отъ безпрестанной стрѣльбы; языкъ уже нашъ въ устахъ нашихъ на басурманъ закричать не воротится. Такое наше безсиліе: не можемъ въ рукахъ своихъ

никакого оружія держати: почитаемъ себя уже за мертвый трупъ. Часа уже съ 2 не будетъ въ осадѣ сидѣнья нашего. Топерво мы, бѣдные, розставаемся съ вашими чудотворными иконами и со всѣми христіянны православными. Не бывать ужъ намъ на святой Руси: смерть наша грѣшная въ пустыняхъ, за ваши иконы чудотворныя, за вѣру христіанскую, за имя государское“. Готовясь къ смерти, казаки уже прощаются заочно съ представителями Русской земли и Церкви, и даже съ стихійными силами природы, при чемъ у нихъ на ряду съ государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и „святыми отцами“, выступаетъ и государь ихъ, „тихий Донъ Ивановичъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ они держатъ „постъ и чистоту душевную“. Положеніе, казалось бы, отчаянное; но Русскіе люди не теряютъ надежды, потому что у нихъ „искусные люди видѣли ясно, что отъ образа Ивана Предотечи, отъ суха древа, течаху многи слезы, аки струя: то мы вѣдаемъ, что стоитъ надъ нами милость Божія“. И вотъ, надѣясь на эту силу, собравшись съ своими послѣдними силами, „взяли мы иконы чудотворныя, Предотечину да Николину, да пошли съ ними противу бусурмановъ на вылазку; и милостію Божію и молитвою Пречистыя Богородицы, и заступленіемъ небесныхъ силъ, и помощію ихъ угодниковъ Предотечи Іоанна и Николы Чудотворца на вылазкѣ явно бусурмановъ побили. И видя то люди Турецкіе, что стоитъ надъ нами милость Божія, что ни въ чемъ осилить не умѣютъ насъ, и съ тѣхъ поръ не почали уже присылать къ приступу къ намъ людей своихъ... И они Турки, какъ увидѣли, что въ похвальбѣ имъ Богъ не пособилъ взять взятъемъ Азовъ—городъ, и они, покиня свои таборы, побѣжали къ своимъ кораблямъ и каторгамъ, видя они свою погибель и страхъ великій отъ нашея руки малая. И мы, бѣдные, на свои руки оборонныя и ноги поддомныя не надѣясь, только чая себѣ отъ Бога милости и отъ Пречистыя помощи, и заступленія Предотечева, крикнули мы, бѣдные, на ихъ Турецкіе таборы; а по

таборамъ только огни горять. Отъ нашего страха великаго побѣждали они къ Черному морю, чтобъ имъ уйти отъ насъ за Черное море. И мы, бѣдные, надѣяся на Бога вышняго, пошли за ними въ походъ: ажно садятся они на свои бусы и каторги, а которые стоятъ на сухомъ пути, и они, не видя другъ-друга, почали метаться, и больше того потопилось въ Черномъ морѣ "...—Подвигъ совершенъ и подвигъ великій, истинно богатырскій, достойный великой славы. И казаки знаютъ, что ихъ подвигъ доставить славу; но кому? „Отъ нашея руки малыя и отъ казачества вольнаго имъ бусурманамъ срамота стала вѣчная отъ всѣхъ земель, отъ царей и отъ королей, а *нашему православному государю царю* и великому князю Михаилу Оеодоровичу, всея Россіи самодержцу, слава вѣчная во всѣ орды бусурманскія, Персидскія и Еллинскія, а *нашему атаману* Науму Васильеву и *все.му грозно.му войску Донско.му слава вѣчная*". А какова же будетъ слава тѣмъ „бѣднымъ остальцамъ“, богатырскимъ подвигомъ которыхъ добыта другимъ эта вѣчная слава? Имъ эта слава не нужна; они о ней не думаютъ: „А мы, бѣдные остальцы,—всего насъ осталось полчетверты тысячи, и тѣ всѣ переранены,—и взяли мы икону Іоанна Предотечи и Николы Чудотворца, а мѣсто Азовское оставили, а сами пошли на свой тихій Донъ, и тамъ сотворили *обитель Іоанна Предотечи, атамана поставили игумено.мъ и въ монастырѣ учили жити и богу молиться*".

На ряду съ этимъ смиреніемъ и уничиженіемъ предъ вышею небесною силою, казаки обнаруживаютъ такое же смиреніе, такое же уничиженіе предъ высшимъ проявленіемъ человѣческой силы, силы государственности. Ихъ смиреніе, ихъ покорность такъ велики, что они даже не протестуютъ сколько нибудь рѣзко противъ того соціально-экономическаго гнета, который выбросилъ ихъ изъ нѣдръ государства и заставилъ скитаться „въ пустынь непроходнѣй“. Турки, чтобы принудить казаковъ къ сдачѣ, залугиваютъ ихъ тѣмъ, что

изъ Москвы не будетъ имъ выручки. На это казаки отвѣчаютъ: „И мы про то сами и безъ васъ, собакъ, вѣдаемъ, какіе мы на Руси въ государствѣ Московскомъ люди дорогіе, и чему мы тамо надобны. Очередь мы свою собою сами вѣдаемъ. А государство Московское многолюдное, велико и пространно; сіяетъ свѣтло посреди, паче всѣхъ иныхъ государствъ и ордъ бусурманскихъ, Персидскихъ и Еллинскихъ, аки въ небѣ солнце. А насъ на Руси не почитаютъ и за пса смердящаго. А бѣгаемъ мы съ того государства Московскаго, изъ работы вѣчныя, изъ холодства невольнаго, отъ бояръ и отъ дворянъ государевыхъ; да здѣ прибѣгли и вселились въ пустынь непроходнѣй: взираемъ на Христа Бога небеснаго. Кому объ насъ тамъ потужити“? Въ послѣднихъ словахъ нельзя не замѣтить нѣкоторой жалобы на тотъ строй жизни, который заставляетъ людей бросать родное пепелище и безпріютно скитаться въ „пустынь непроходнѣй“. Но взятыя въ контекстъ рѣчи, слова эти выражаютъ не чувство злобы и ненависти, какое питаетъ рабъ къ своему поработителю, а чувство какого-то благостнаго примиренія съ горькою дѣйствительностью, чувство того кроткаго смиренія, которое воспитываетъ въ душѣ долгій жизненный опытъ, приучающій терпѣливо переносить всѣ невзгоды жизни. Жить въ государствѣ, при данныхъ условіяхъ, людямъ становится не въ моготу и они бросаютъ его; но они оставляютъ его не проклиная, а благословляя, а поэтому оно и кажется имъ издали не темнымъ и мрачнымъ, а сіяющимъ „аки въ небѣ солнце, паче всѣхъ государствъ“; потому-то казаки такъ счастливы, что отъ подвига, совершеннаго ихъ слабыми руками, государю Русскому будетъ *слава вѣчная*. Въ душѣ, которая такъ думаетъ и такъ чувствуетъ, очевидно, нѣтъ мѣста для злопамятства: она знаетъ лишь всепрощающее забвеніе.

Сдѣланныхъ замѣчаній совершенно достаточно для того, чтобы понять, какимъ образомъ при слабомъ развитіи въ

древней Руси христіанскаго просвѣщенія могли существовать тамъ и глубокая вѣра и добрыя, истинно-христіанскія чувства; и эта вѣра и эти чувства были результатомъ не столько просвѣтительнаго воздѣйствія христіанскаго ученія, въ слабой степени проникавшаго въ сознаніе народа, сколько плодомъ многовѣкового историческаго воспитанія его въ горѣ и нуждѣ. Въ религіозно-нравственномъ возрѣніи древняго русскаго человѣка было почти столько христіанскаго, сколько въ христіанствѣ есть общечеловѣческаго. Вѣра въ жизни русскаго народа несомнѣнно имѣла и по сей день имѣетъ огромное значеніе: подъ ея знаменемъ онъ выступалъ на борьбу съ своими врагами, подъ ея воздѣйствіемъ совершалось объединеніе земли, вѣра спасала русскаго человѣка отъ отчаянія въ тяжкія минуты его жизни, она же давала нравственный идеалъ, не позволявшій человѣку окончательно овегнестивиться. Эту свою вѣру русскій народъ называлъ *православіемъ* и готовъ былъ жертвовать за нее самую жизнь свою. Но если расчленивъ и внимательно проанализировать тѣ представленія, изъ которыхъ въ сознаніи нашего народа слагалось и по сей день слагается понятіе *православія*, то придется признать, что древне-русское православіе не совсѣмъ тождественно съ православіемъ *вселенскимъ*; старому „московскому православію“ недоставало многого: недоставало основательнаго знакомства съ теоретическими основами христіанскаго ученія, и недоставало главнымъ образомъ потому, что теоретическая сторона мышленія вообще слабо развита была у стараго русскаго человѣка, а поэтому у него даже не могло быть потребности въ науко-образномъ усвоеніи истинъ христіанскаго ученія, не говоря уже о томъ, что, вслѣдствіе слабаго распространенія у насъ устной проповѣди и христіанской письменности, самые источники, изъ которыхъ можно было познакомиться съ теоретическими основами христіанской доктрины, для народной массы почти совершенно недоступны были. Исключенія, конечно, были, но здѣсь рѣчь идетъ объ

общемъ правилѣ, а не объ исключенiяхъ. Если во время Посошкова даже „на Москвѣ едва сотый человѣкъ зналъ, что то есть христiанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, или какъ Ему молиться“, то во многихъ мѣстахъ нашего огромнаго сельскаго захолустья проповѣдь евангельскаго ученiя, по нѣсколько преувеличенному, можетъ быть, представленiю Кавелина, „была бы и теперь неслыханною новостью для народа, въ понятiяхъ котораго церковная обрядность составляетъ всю суть христiанскаго правовѣрiя“. Не признавая этого, мы не поймемъ, ни пресловутыхъ двоевѣрiя, обрядовѣрiя и суевѣрiя, ни стараго раскола, ни новаго сектантства, ни многихъ другихъ аналогичныхъ явленiй нашей жизни. Все это, конечно, нисколько не мѣшаетъ признать, вмѣстѣ съ Хомяковымъ, что вѣра православная „не со вчерашняго дня озарила Русскую землю и не даромъ жила въ ней въ продолженiе многихъ столѣтiй. Много оставила она памятниковъ своего благодатнаго дѣйствiя, много живыхъ слѣдовъ запечатлѣла въ просвѣщенiи отдѣльныхъ лицъ и въ общественности народа. Почтительно изучать эти памятники въ прошедшемъ, горячо любить эти слѣды въ настоящемъ, особенно же помнить, что это дѣло не односторонняго разсудка, но дѣло цѣлой внутренней жизни, невозможное безъ постоянного стремленiя къ нравственному самоулучшенiю: таковъ долгъ всякаго Русскаго, ясно понимающаго великое призванiе своей родины“ ¹⁾. Все это безусловно вѣрно и заслуживаетъ самаго глубокаго сочувствiя.

Послѣ всего сказаннаго легко произвести оцѣнку того окончательнаго вывода, который дѣлаетъ Хомяковъ изъ обзора древне-Русской жизни. „Изъ всего предыдущаго очевидно, говоритъ онъ, и то основанiе, на которомъ воздвигается прочное зданiе Русскаго просвѣщенiя. Это Вѣра, Вѣра Православная, которой слава Богу, еще никто не называлъ.

¹⁾ Сочин. т. I. стр. 257.

религіей (ибо религія можетъ соединять людей, но только вѣра связуетъ людей не только другъ съ другомъ, но еще и съ Ангелами и съ Самимъ Творцомъ людей и Ангеловъ), Вѣра, со всею ея животворною и строительною силою, мысленною свободою и терпѣливою любовью“. Основаніе прекрасное. Но если ему суждено будетъ послужить краеугольнымъ камнемъ при созданіи зданія нашего просвѣщенія, то послѣднее обязано будетъ этимъ столько же нашему историческому прошлому, сколько абсолютной истинности христіанства, какъ вѣры Богооткровенной, открывающей человѣку истинный смыслъ его бытія и указывающей въ православіи самый вѣрный, самый ближайшій путь къ достиженію конечной цѣли его существованія. Исторія стараго раскола и новаго сектантства, исторія, характеризующая съ извѣстной стороны сколько отступниковъ отъ господствующей Церкви, столько же и самую Церковь,—наглядно показываетъ, что духъ Вселенскаго Православія еще и по сей день не проникъ въ сознаніе народа и не успѣлъ овладѣть его мыслию, его чувствомъ, его волею. Это же самое въ значительной степени (въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ большей степени) слѣдуетъ сказать и о нашемъ интеллигентномъ обществѣ, въ которомъ постоянно слышится отрицательное отношеніе къ тому, до истиннаго пониманія чего эти отрицатели никогда не поднимались и о чемъ у нихъ существуетъ часто самое смутное представленіе.

Но значить-ли это, что отъ старой Руси намъ не осталось никакого крупнаго наслѣдства и что Хомяковъ совершенно ошибался, когда отводилъ такое видное мѣсто прошлому въ дѣлѣ нашего будущаго развитія? Конечно нѣтъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія стороны жизни, которыми наше настоящее, а слѣдовательно и будущее, связывается съ прошлымъ, сообразно съ настоящею своею задачею, отмѣтимъ лишь одно богатое наслѣдство, доставшееся намъ отъ старыхъ временъ: это указанная выше *сила вѣры* нашего народа и

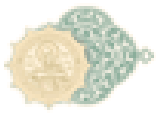

высокій альтруизмъ его чувства. Съ этимъ фактомъ въ сознаніи Хомякова соединялось нѣсколько своеобразное представленіе, которое нуждается въ разъясненіи.

Мы уже видѣли, что Хомяковъ обличалъ Западно-Европейское просвѣщеніе въ *раціонализмъ*. Въ примѣненіи къ данному случаю эту его мысль можно выразить такъ. Разсудочная мысль, рѣзко обособившись отъ остальныхъ силъ духа, сообразно съ особенностями своей природы, отдалась дѣлу расчлененія въ познаваемомъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій, и уясненію существующей между ними взаимной связи. Эта работа мысли дала блестящіе результаты: она повела къ открытію законовъ природы со всѣми слѣдствіями, которыя получились при практическомъ примѣненіи этого открытія. Въ этомъ успѣхѣ главная заслуга европейской цивилизаціи; благодаря этому успѣху послѣдняя приобрѣла законное право на видное мѣсто въ общемъ ходѣ мірового прогресса. Но то, что обусловливало такой блестящій успѣхъ западнаго просвѣщенія, послужило, съ другой стороны, причиною ея односторонности, которая въ окончательномъ своемъ выводѣ дала очень грубую ошибку. Разсудочная мысль по преимуществу есть способность анализирующая, расчленяющая, а поэтому ей доступно только то, что подлежитъ расчлененію; а такимъ въ природѣ бываютъ лишь явленія, а не вещь въ самой себѣ,—нерасчленяемая, а потому и недоступная разсудочному познанію. Европейская мысль отнеслась къ этому факту по своему: рѣзко разграничивъ эти двѣ области бытія, т. е., отдѣливъ явленія отъ вещи въ самой себѣ, она сначала объявила послѣднюю непознаваемою, а потомъ стала совершенно отвергать ея бытіе. Въ результатъ получилось то, что *бывающее признано за истинно сущее, а истинно сущее объявлено несуществующимъ*. Такъ какъ этотъ выводъ явился законнымъ слѣдствіемъ господствующаго направленія европейской мысли, то на немъ сошлись представители самыхъ крайнихъ ея направленій, т. е. и крайніе идеалисты (въ Гегелѣ) и

крайніе реалисты (въ грубомъ эмпиризмѣ). Выводъ этотъ, рассматриваемый спеціально въ примѣненіи къ сферѣ внутренней жизни духа, имѣетъ такой смыслъ: одна сила духа, порвавъ жизненную связь съ остальными его силами, выдала себя за цѣлый духъ, и, не найти въ этой части признаковъ цѣлаго. объявила послѣднее не существующимъ. Въ результатъ получилось отрицаніе субстанціальности духа и какъ его практическое примѣненіе: отрицаніе бытія Бога и безсмертія души. Этотъ выводъ, какъ сказано было, явился естественнымъ слѣдствіемъ преобладающаго направленія европейской цивилизаціи. Въ то же время европейскій человѣкъ, подмѣтивъ, какія огромныя выгоды получаются при большомъ ростѣ и обогащеніи реальнымъ знаніемъ разсудочной мысли, сдѣлалъ развитіе послѣдней предметомъ своего рода спорта, подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ предметомъ спорта развитіе разныхъ свойствъ и качествъ у культивируемыхъ ими животныхъ и растений. Въ результатъ такого утилитаризма въ стремленіяхъ получилася цивилизація блестящая по своимъ практическимъ выгодамъ, но грубо матеріальная по своему характеру. Зная это, мы легко поймемъ, какъ могъ выработаться въ Европѣ складъ мысли, возведшій фактъ борьбы за существованіе въ законъ жизни и вычеркнувшій (въ лицѣ Бокля) религію и нравственность изъ факторовъ историческаго процесса. Для европейски образованнаго человѣка такая точка зрѣнія должна казаться не только нормальной, но и единственно разумною.

Теперь попробуемъ взглянуть съ этой точки зрѣнія на древне-русское просвѣщеніе. Первое, что въ этомъ случаѣ бросится въ глаза, это почти полное отсутствіе у насъ работы научной мысли: у насъ не было не только науки въ новѣйшемъ смыслѣ слова, но не было даже самобытной схоластики въ европейскомъ смыслѣ. Научная мысль въ европейскомъ смыслѣ у насъ несомнѣнно очень слабо функционировала; ея не хватало даже для сколько нибудь осмы-

сленнаго усвоенія плодовъ работы чужой мысли, чужаго труда. Не удивительно, поэтому, что тѣ изъ современниковъ Хомякова, которые смотрѣли на нашу до-Петровскую Русь съ точки зрѣнія европейскаго просвѣщенія, ничего другого не находили тамъ, какъ только, выражаясь языкомъ Герцена, одно „*стоячее болото*“,

А въ болотѣ застой и гнѣніе,
Жизни свѣжей не видно слѣда;
Здѣсь отъ вѣка царить отупѣніе,
Воздухъ свѣжій не вѣетъ сюда.

Выводъ вѣрный и совершенно логичный. Вопросъ лишь въ томъ, вѣрно-ли то основаніе, изъ котораго онъ сдѣланъ? Правда-ли, что духовная жизнь нашихъ предковъ представляла лишь одно *стоячее болото*, въ которомъ не было никакого движенія? Съ европейской точки зрѣнія отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительный: не было работы научной мысли, слѣдовательно не могло быть и движенія. Но вѣдь мы гордимся глубокою вѣрою нашихъ предковъ; ужели же эта вѣра ничего не давала для нашего прогресса? Рѣшительно ничего, потому что, по ученію Бокля, „*религія человечества есть послѣдствіе, а не причина его прогресса*“. Этого мало. Самая мысль о томъ, что при умственномъ невѣжествѣ можетъ яко-бы существовать глубокая вѣра. съ европейской точки зрѣнія есть простое недоразумѣніе. потому что, по увѣренію того же Бокля, „*религіозныя убѣжденія, преобладающія въ какой либо періодъ времени, принадлежатъ къ числу симптомовъ, которыми этотъ періодъ обозначается*. Когда религіозныя убѣжденія глубоко укоренены, то они, безъ сомнѣнія, имѣютъ вліяніе на образъ дѣйствій людей; но для того, чтобы убѣжденія могли глубоко укорениться, *необходимо должна предварительно произойти какая нибудь перемѣна въ умахъ людей*“. Ясно, что для истиннаго европейца, развитіе *ума* есть источникъ всякаго прогресса

са: безъ *перелѣтны въ улахъ людей* не можетъ даже въ сердцахъ зародиться глубокая вѣра.

Что сказать объ этой точкѣ зрѣнія? Въ своемъ мѣстѣ, при анализѣ гносеологическихъ воззрѣній Хомякова, вопросъ этотъ получить принципиальное разрѣшеніе на чисто философской основѣ. Теперь же, сообразно съ настоящею нашею задачею, мы попробуемъ взглянуть на него исторически и прежде всего посмотримъ, что намъ говорятъ факты дѣйствительной жизни.

В. Завитневичъ.

(Продолженіе будетъ).